

Н. В. Синицыной удалось сказать новое и доказательное слово о творчестве человека, о котором много писали, спорили и, несомненно, будут немало еще писать и спорить.

Монография базируется на поистине огромном материале источников в основном двух типов: сочинения Максима Грека и материалы следствия и двух судов над ним. Источниковедческая изученность огромного корпуса сочинений Максима Грека была до работы Н. В. Синицыной настолько низкой, что исследовательнице пришлось практически впервые решать многие самые фундаментальные проблемы внешней и внутренней критики источника.

Сравнительно небольшие (в сравнении с колоссальным объемом проделанной работы) палеографические и источниковедческие разделы книги принципиально очень важны для нее. Но их значение намного шире темы монографии: это не только обязательный предварительный этап, без которого невозможно истинно научное изучение творчества знаменитого философа. Методика исследования очень интересна и важна для всех, занимающихся древнерусскими рукописями, особенно XVI в. Почерковедческий анализ автографов Максима Грека и близких к нему лиц, с удивительной тщательностью и интуицией проведенный Н. В. Синицыной (а также ее палеографическими единомышленниками Б. М. Клоссом и Б. Л. Фонкичем), позволил не только определить автографы Максима Грека на девяти русских и двух греческих рукописях, но и успешно поставить целый ряд труднейших общих проблем изучения писцовых школ и индивидуальных почерков в средневековых рукописях, многовариантности почерков одного и того же лица и т. д. Особенно интересны примененные Н. В. Синицыной методы, позволившие доказательно сравнить между собой греческий и русский почерки Максима Грека. Итоги проведенного ею почерковедческого анализа — большой успех целого направления современных палеографических исследований. Отметим также, что этот раздел монографии хорошо и обильно иллюстрирован.

Выявление и анализ автографов Максима Грека, значительно распив первые подобные наблюдения Е. Е. Голубинского, позволили по-новому взглянуть на начальные этапы складывания собраний сочинений афонца, на степень авторского участия в их составлении. Для Н. В. Синицыной это исходный пункт большой работы по систематизации списков собраний сочинений Максима Грека, их датировке, атрибуции. Большой объем наследия Максима Грека и обилие списков (более 300 рукописей XVI—XIX вв.) крайне затрудняли эту работу. Нам кажутся вполне оправданными методы классификации самих произведений Максима Грека, предложенные Н. В. Синицыной. Они гораздо логичнее тех, которые применялись Е. Е. Голубинским и А. И. Ивановым. Целый ряд оправданных заключений, поправок к мнению предыдущих исследователей сделан ею и при атрибуции авторских и особенно переводных трудов Максима Грека.

В спорах последних лет вокруг жизни и творчества философа все большее значение приобретают проблемы датировки ряда его полемических, и в первую очередь нестяжательских, сочинений. Н. В. Синицына занимается ими детально и аргументированно: мы считаем обоснованной предпринятую ею передатировку нескольких важных нестяжательских сочинений Максима Грека, созданных после 1531 г. Основанная на объективных доказательствах, эта датировка, в свою очередь, позволяет более логично проследить этапы развития нестяжательских идей Максима.

Рассуждения Н. В. Синицыной о датировке «Повести страшной и достопамятной и о совершенном иноческом жителстве» можно, на наш взгляд, дополнить: есть одно обстоятельство, не позволяющее датировать Повесть временем ранее 1531 г. На соборном судилище 1531 г. выступил с невероятно путаным доносом дворецкий М. Ю. Захарьин, сообщивший о каких-то слухах относительно причастности Максима к некоей ереси в Италии и сожжении по приказу папы ересиарху и его учеников. Обвинение явно не располагало здесь никакими фактами и поэтому удовлетворилось странным заявлением Максима о том, что он не помнит, было ли такое<sup>1</sup>. Если бы упомянутая

<sup>1</sup> Судные списки Максима Грека и Исаака Собака /Изд. подготовил Н. Н. Покровский под ред. С. О. Шмидта. М., 1971, с. 114.

Повесть, с большой любовью рассказывающая о проповеди и подвиге Савонаролы, была уже написана тогда, вряд ли она прошла бы мимо внимания судей, тщательно искавших в сочинениях Максима улики против него.

Наряду с сочинениями Максима Грека Н. В. Синицына широко и умело использует такие сложные, тенденциозные источники, какими являются Судные списки 1525, 1531 и 1549 гг. и отрывки следственного дела 1525 г. В объяснении спорных вопросов, связанных с соборными судами над Максимом Греком 1525 и 1531 гг., наши выводы сходятся с выводами Н. В. Синицыной. Сделанное ею на основе нашего издания Судных списков и других источников предположение о возможности освобождения Максима Грека уже в 1547—1548 гг. (с. 151—152, 159) кажется нам очень заманчивой и довольно вероятной гипотезой. В то же время мы не считаем убедительной попытку решить вопиющие внутренние противоречия приговора Судных списков и Выписи о втором браке Василия III допущением, что Максим после обоих судов был отправлен в одно и то же место — в Иосифо-Волоколамский монастырь (с. 149).

Несомненным достижением Н. В. Синицыной следует признать доскональный, подчас пословный анализ двух отрывков светского следствия 1525 г. по хранящемуся в ЦГАДА подлиннику, который считался утраченным (с. 131—139). Оправданным нам кажется и общее, крайне критическое отношение исследовательницы к этому источнику, и главный ее вывод: отрывки не дают оснований для утверждений, прозвучавших в исторической литературе<sup>2</sup>, о предательстве, совершенном на следствии 1525 г. Максимом Греком по отношению к Берсеню Беклемишеву.

На наш взгляд, наиболее существенной теоретической разработкой, которой обогатила нас монография Н. В. Синицыной, является ее анализ центральной проблемы изучения идеологии Максима Грека — проблемы характера его нестяжательских взглядов. Исследовательнице удалось очень непростое дело: ясно выделив основную социальную ноту нестяжательского творчества знаменитого философа, она не утратила и тех обертонов, без коих уникальная мелодия творчества Святогорца превращается в стандартизированный мотив, лишенный специфики времени, места, личности.

Нестяжательство Максима Грека представляется нам теперь очень логично связанным и с предшествующей историей развития этого направления в России, и с законами функционирования систем общеправославной этики. Последнее особенно хочется подчеркнуть: Н. В. Синицыной великолепно удается показать, что в анализе нестяжательских взглядов Максима не только должно, но и вполне возможно проверить принципиальное различие между тем, какое место занимали эти взгляды в сочинениях самого философа, в его системе мировоззрения, и какое звучание получали они в обществе того времени. При всей простоте и общепризнанности этого методологического требования осуществить его подчас бывает не так легко.

Последовательное применение его к Максиму Греку потребовало от исследовательницы тщательного анализа семантики важнейших терминов, употребляемых философом. При этом особое значение имеет подробное рассмотрение употребления Максимом терминов «стяжание» и «нестяжание», «бедность». Обнаруживается, что у такого видного нестяжателя, каким являлся Максим, значение этих терминов гораздо более сложно, социально менее однозначно, чем это обычно представляется. Самым главным является здесь во многом удивительный, но подкрепленный неопровержимыми доказательствами факт, что нестяжательство Максима было направлено не только против эксплуататорской практики монастырей-феодалов, но и против секуляризаторских тенденций светской власти. Это один из поразительных примеров того гораздо более конкретного знания данной идеологической системы, которое стало возможно в итоге работы Н. В. Синицыной.

Следует отметить, однако, что наличие этого второго звучания нестяжательства поздних сочинений Максима Грека отнюдь не делало из него осифлянина, не превращало его в противника идеологических тенденций Нила Сорского. Максим (как и Нил) пришел к своему нестяжательству от христианской, в первую очередь монашеской, этики; это в работе Н. В. Синицыной показано замечательно: нестяжательство для него — прежде всего одна из трех главных монашеских добродетелей (с. 105). И в этом плане исследовательница совершенно справедливо и уместно напоминает положение

<sup>2</sup> Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 278—279.

о том, что в создании средневекового общества «именно идеальное (дубликатное) бытие монастыря в качестве ἀγγελικὴ πολιτεία делало в конечном счете необходимым внешнее обеспечение его источником существования, его реальное бытие как присвоителя чужого прибавочного продукта»<sup>3</sup>. Поэтому проявление социальных тенденций в нравоучительных трактатах, посвященных монашеской теории и практике, не может быть таким прямым и одноплановым, как этого хотелось бы многим историкам XX столетия. Поэтому же по ряду важнейших составных частей идеологии нестяжательства последователи Нила Сорского не могли расходиться и действительно не расходились с последователями Иосифа Волоцкого. Н. В. Сеницына интересно показала это на примере обязательности личного труда монахов. Она подчеркнула, что «нестяжение» монаха как одна из главных его добродетелей восхваляется и Иосифом Волоцким и митрополитом Даниилом — все дело в том, какие «различные варианты решения вопроса об источниках монастырского благосостояния» предусматривает «нестяжение различных идеологов, переходя из этической сферы в область социальной практики» (с. 105).

Представления самого Максима Грека в этой последней сфере прослежены Н. В. Сеницыной с той полнотой, с какой позволяют источники; особенно ценно сопоставление с другими идеологами XVI в. Обнаружилось, например, что нестяжательство Нила Сорского в социальном плане гораздо радикальнее взглядов Святогорца. Если учесть, что нестяжательские взгляды Максима, с которыми он приехал на Русь, претерпевали изменения, но наиболее полно и последовательно были выражены лишь в его поздних сочинениях, в последней стадии эволюции, то можно будет говорить о том, что к середине XVI в. пик расхождений между нестяжателями и осифлянами был позади (он приходился на время после осуждения ереси жидовствующих и до осуждения ереси Башкина). Недаром столь гибкий и широкий по своим взглядам осифлянин, каким был митрополит Макарий, смог найти место для сочинений Максима на страницах своих Великих Миней Четьих.

Вместе с тем не следует, говоря о проблемах нестяжательства, преувеличивать степень сближения взглядов Максима и Макария: Максим Грек, несомненно, является видным критиком современной ему социальной практики монастырей-феодалов, и это в конечном счете оказалось главным. Н. В. Сеницына хорошо видит, что именно такая характеристика является основной при оценке нестяжательства Максима Грека; тем не менее хотелось бы, чтобы данное положение, бесспорно разделяемое исследовательницей, было акцентировано сильнее (в том числе и на с. 213, где говорится о возможности определенного сближения нестяжательства Максима и позиции Макария по проблемам секуляризации церковных имений). Этого требует сама структура анализа Н. В. Сеницыной, стремящейся определить глубину эмоциональных критических высказываний Максима в адрес социальной практики монастырей-феодалов и справедливо предостерегающей от преувеличения этой глубины.

В монографии подчеркивается, что уже в первой главе своих сочинений Максим «пишет, что проповедует иноческое житие «без всякого лихоимственного резвоимания и неправды и хищения чужих имений и трудов». Автор понимает, что это могло послужить причиной его обвинения в еретичестве» (с. 213). (Кстати говоря, уже это свидетельствует о весьма значительной дистанции между нестяжательством Максима и взглядами Макария.) Но при более подробном рассмотрении Н. В. Сеницыной практической стороны этого всеобщего принципа «нестяжения» оказалось, что «критикуемые Максимом Греком явления касаются не самого факта феодальной эксплуатации, а ее крайностей, злоупотреблений, превышения традиционной ренты». «Говоря о «селах», он не отрицает прав монастыря на владение ими, он обличает поведение и практику монастырских властей», он «осуждает 1) кабальные формы эксплуатации, тесно связанные с ростовщической деятельностью монастырей в принадлежащих им владениях, 2) отношение к феодально-зависимым крестьянам, как к холопам» (с. 199—200).

Этот социальный анализ справедлив, но требует, на наш взгляд, двух уточнений. Во-первых, хотя критика Максима действительно направлена в приводимых текстах Беседы Ума к Душе не против основного принципа феодального землевладения православной церкви, а против «крайностей» феодальной эксплуатации, это как раз такие крайности, которые в XVI в. все более и более определяли главную перспективу раз.

<sup>3</sup> См.: ВВ, 1971, 31, с. 53.

вития русского феодализма в сторону крепостничества. Поэтому и традиционная для церковной идеологии борьба против похолопления и ростовщичества выглядела уже совсем не так, как в идиллические времена Киевской Руси, — это была теперь безнадежная для Максима попытка затормозить сползание феодальных отношений в сторону полукабального крепостничества — реакционный по сути процесс, в котором иосифлянским монастырям-феодалам принадлежала важная новаторская роль. В борьбе с ним традиционализм Максима (который здесь, подобно действиям крестьян Иосифо-Волоколамского монастыря во время волнений конца XVI в., направлен против лихоимственной практики закабаления) представляется объективно довольно радикальным.

Во-вторых, само признание Максимом землевладения монастыря-киновии в системе его конкретно-социальных, практических взглядов все же неотделимо от общего осуждения им стяжания чужого труда и «имения» в его этической системе. Н. В. Синицына хорошо анализирует данную связь для характеристики последней системы, но ведь эта связь — двусторонняя. Становящееся все более утопическим в обстановке наступления крепостничества стремление Максима ограничить крайности феодальной эксплуатации проистекает все-таки из его общей нестяжательской концепции и окрашено ее духом.

Нам представляется очень интересной приведенная Н. В. Синицыной характеристика идеала Максима Грека во взаимоотношениях монастыря с «подручными селянами»: «было бы им утешение немало, еже от тебе взаим даемое им сребро, аще бы без росту. . . взаим даля им, и от не могущаго отдати последняя ради нищеты не истязал бы от него ниже росты, ниже саму истину» (с. 207). Ссылаясь на работы Л. В. Черепнина и Г. В. Абрамовича и других о роли феодального кредита в организации производства, исследовательница считает, что осуществление идеала афонца «максимально способствовало бы» проявлению именно этой черты кредита как организатора феодально-производственного процесса. Нам, однако, кажется, что беспроцентный, а подчас и безвозвратный кредит, о котором пишет Максим Грек, был в интересах не столько феодального производства, сколько крестьянского хозяйства и явно противоречил той феодальной практике экономического прикрепления к земле, которая все больше становилась важной реальностью этого производства.

В целом же анализ нестяжательства Максима Грека сделан Н. В. Синицыной с мастерским умением проследить доминанту через все противоположные отклонения, избегая вульгаризаторской односторонности и столь понятного стремления зависить уровень «социальной сознательности» своего героя. Она справедливо подчеркивает, что при всей сложности проблемы основу этих его взглядов представляет все же «критика именно монастырской стяжательской практики. . . Поэтому он и предстает как нестяжатель по преимуществу, именно таковым воспринимали его современники, хотя его позиция (и субъективно, и объективно) была более сложной, не столь однозначной» (с. 245).

Подведя итог вопросу о восприятии социальной позиции Максима, Н. В. Синицына правильно заключает: «В сочинениях Максима Грека главным для его читателей мог стать факт его критики в адрес монастырских феодалов, их жестокого обращения с подручными крестьянами, а также его гуманная позиция по отношению к эксплуатируемому сельскому населению» (с. 209).

Мы не будем останавливаться подробно на других сторонах мировоззрения Максима Грека, интересно анализируемых исследовательницей. Отметим лишь два момента. Во-первых, рассматривая цикл сочинений Максима, направленных против астрологии, Н. В. Синицына делает одно важное наблюдение. Максим борется с астрологией отнюдь не только потому, что она разрушает христианские представления об изначальной божественной детерминированности мира, о божественном промысле, но и потому, что одновременно рушится тезис о самовластии человеческой воли и разума (с. 94—103). Обращение Максима Грека к теме самовластия («самовластное освобождение разума»), по мнению Н. В. Синицыной, не случайно. Эта тема занимала видное место и в творениях византийских «отцов церкви», и в сочинениях итальянских гуманистов, и в спорах русских еретиков XV—XVI вв. со своими противниками. Хотя Н. В. Синицына считает, что определение места Максима Грека в этом ряду выходит за рамки ее темы, представляет несомненный интерес ее замечание о различии подхода Максима Грека и Иосифа Волоцкого к проблеме самовластия человека.

Второй вопрос, где Н. В. Синицыной, несмотря на неизбежную лапидарность изложения, удалось сделать важные наблюдения, — понимание Максимом общественной задачи философа, его права давать советы, наставления правителю (с. 146—148). Конечно, эта важная тема требует особого исследования, но представляется бесспорным, что Н. В. Синицына заложила для него хорошую основу.

В заключение хочется сказать, что интересная монография Н. В. Синицыной, тщательная и многоплановая, ставит перед нашей наукой важнейшую практическую задачу — осуществить, наконец, полное издание сочинений Максима Грека. Дальнейшее откладывание этого дела все больше оборачивается непростительным невниманием к истории отечественной культуры. Хотя Максим Грек написал очень много, не забываясь о современных издательских проблемах, применяясь к техническому уровню скриптория, а не типографии, издание это готовить надо, несмотря на всю трудоемкость такой работы. Исследование Н. В. Синицыной сделало немало для подготовки такого издания и показало всю необходимость его.

Н. Н. Покровский

### **Некоторые проблемы истории поздневизантийского города в новейших исследованиях**

Поздневизантийский город является актуальной сферой изучения в современном византиноведении. Рассматриваемые здесь работы отражают, с одной стороны, очевидный интерес, проявляемый в последнее время авторами к позднему периоду истории Византии, а с другой — свидетельствуют о различиях в характере и методах исследования данной проблематики.

Историографическая статья В. Гроховой посвящена рассмотрению современного состояния исследований о средневековом городе Юго-Восточной Европы на основе болгарского, югославского и греческого материалов, относящихся к периоду с XII по XV в.<sup>1</sup> Выбор указанного региона говорит о том, что автор исходит из идеи об определенной общности развития города на территории, лежащей к югу от Дуная. Особенности балканского города по сравнению с западноевропейским во многом определялись общим развитием экономических и социальных процессов в Юго-Восточной Европе, изучение которых имеет большое значение для определения существенных черт городской жизни данного района (с. 590)<sup>2</sup>. Отмечая дискуссионность проблемы специфики балканских городов и их внутренней типологии, В. Грохова раскрывает в своей статье тот важный вклад, который сделала марксистская историография в разработку этой проблемы, преодолев предшествующую ориентацию на изучение нескольких византийских городов (таких, как Константинополь и Фессалоника) и подходя к исследованию города как «комплексному целому». Благодаря работам историков Болгарии и Югославии возросло внимание к менее значительным городским центрам, создана фактологическая база для новых исследований. Решение проблем балканского города, как отмечает В. Грохова, в значительной мере затрудняется спорами вокруг самого понятия «город» (с. 585). Эта неопределенность вытекает не в последнюю очередь из противоречивости средневековой терминологии, которая, по мнению автора статьи, является недостаточно прочным основанием для характеристики того или иного поселения как города (с. 585).

Останавливаясь на источниковедческой базе, необходимой для решения поставленных задач, В. Грохова полагает, что сведения о средневековых балканских городах нельзя искать только в официальных документах, поскольку среди них преобладают грамоты, связанные с упорядочением дальней торговли, прежде всего — с итальянскими городами-республиками. Переоценка данного типа источников привела бы

<sup>1</sup> *Hrochová V.* Současný stav bádání o středověkém městě v Jihovýchodní Evropě. — *Československý časopis historický*, 1977, 25, с. 4, s. 585—606.

<sup>2</sup> См. также: *Тодоров Н.* Балканский город XV—XIX веков. М., 1976, с. 21—71; *Hrochová V.* Byzantská města ve 13.—15. století. Příspěvek k sídelní topografii stredovekeho Recka. — *AUC, Philosophica et Historica Monographia*, 1976, 20; *Eadem.* Les villes byzantines aux 14<sup>e</sup>—13<sup>e</sup> siècles: Phénomène centrifuge ou centripète dans l'évolution de la société byzantine? — XV<sup>e</sup> Congrès International d'Etudes Byzantines. Rapports et Co-Rapports, I. Histoire. Athenes, 1976, p. 2—14.